

- Шабаетв* 1998а – *Шабаетв Ю.П.* Этнокультурное и этнополитическое развитие народов коми в XX веке. М., 1998.
- Шабаетв* 1998б. – *Шабаетв Ю.П.* Республика Коми: время кризиса и этнополитические воззрения молодежи // Идентификация идентичности. Т. 2: Этнополитический ракурс. М., 1998.
- Шабаетв* 2004 – *Шабаетв Ю.П.* Исламский фактор в Коми и проблемы региональной национальной политики // Этнопанорама. 2004. № 3–4.
- Шабаетв* 2005а – *Шабаетв Ю.П.* Граффити и этнополитика // Бюл. сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2005. № 62.
- Шабаетв* 2005б – *Шабаетв Ю.П.* Этнодемографическое развитие коми в контексте демографических процессов у финно-угорских народов Российской Федерации. Сыктывкар, 2005.
- Шабаетв* 2006а – *Шабаетв Ю.П.* Коми // Ежегодный доклад сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. М., 2006.
- Шабаетв* 2006б – *Шабаетв Ю.П.* Толерантность как базовый принцип региональной этнонациональной политики // Семиозис и культура. Вып. 2. Сыктывкар, 2006.
- Шабаетв* 2006в – *Шабаетв Ю.П.* Националисты на марше // Бюл. сети этнологического мониторинга и раннего предупреждения конфликтов. 2006. № 65.
- Шеренас* 2005 – *Шеренас А.* Записки ссыльного или не знаем своей вины. Сыктывкар, 2005.
- Штрихи* 1996 – Штрихи этнополитического развития Коми республики. Очерки, Документы. Материалы. Т. I. М., 1996
- Shabaev* 2004 – *Shabaev Ju.* Peculiarities of Nation-Building in the Republic of Komi // Nation-Building and Common Values in Russia / Ed. Pal Kolsto and Helge Blakkisrud. Lanham-Boulder; New York; Toronto; Oxford, 2004.
- Shabaew et al.* 2005 – *Shabaew Ju., Sadohin A., Jatschmenev V.* Der GULAG als Instrument zur Bildung einer Regionalgemeinschaft // Auseinandersetzungen mit den Diktaturen. Russische und Deutsche Erfahrungen. Gleichen, 2005.

ЭО, 2007 г., № 5

© Т.А. Титова

ЭТНИЧЕСКИЕ МЕНЬШИНСТВА В ГОРОДАХ ТАТАРСТАНА¹

Татарстан – полиэтничная республика, где основными этническими группами являются татары (52,9%) и русские (39,5%). В структуре населения Республики Татарстан группы этнических меньшинств составляют 7,6% (Национальный состав РТ 2002: 7–8). Многонациональный состав населения республики – результат сложных исторических, демографических, социально-экономических и социально-культурных процессов. В настоящее время фиксируемый миграционный прирост этнических меньшинств в Республику Татарстан делает еще более сложной этническую картину населения. И, прежде всего, это относится к населению крупных городов. Межэтническое взаимодействие здесь происходит в трех плоскостях: этническое большинство взаимодействует с этническим меньшинством, этническое меньшинство взаимодействует с этническим меньшинством, и, наконец, этническое большинство взаимодействует с этническим меньшинством, в том числе русские и татары взаимодействуют с различными группами этнических меньшинств.

Татьяна Алексеевна Титова – доцент кафедры этнографии и археологии Казанского государственного университета: tatiana.titova@rambler.ru

Объектом нашего исследования стали четыре группы этнических меньшинств, проживающие в городах Казань и Набережные Челны Республики Татарстан: чуваш, украинцы, немцы, армяне. До настоящего времени в Республике не проводились исследования, целью которых было бы комплексное изучение групп этнических меньшинств, и этот факт имеет определенные объективные основания. Начиная с первых этносоциологических исследований в середине 1960-х годов, Татарстан рассматривался как регион полиэтничный, в котором татары (титовая этническая группа) и русские составляют в совокупности более 90% населения. Конечно, некоторые данные относительно групп этнических меньшинств можно было использовать из проводившихся в республике исследований последнего десятилетия². Однако эти данные отражают отношение к группам этнических меньшинств со стороны этнического большинства. В частности, за рамками исследования оставались такие важные проблемы, как статус этнических меньшинств, идентичность, лингвокультурное поведение, этнокультурные характеристики и другие, с учетом политических, социально-экономических и социокультурных преобразований последнего десятилетия. Не затрагивались отношения этнического меньшинства к этническому большинству республики, а также вопросы сходства и различия в их идентичностях, установках и предпочтениях в межэтническом взаимодействии.

Исследование в указанных четырех группах этнических меньшинств Татарстана мы провели в декабре 2002 – январе 2004 г. Выборка осуществлялась по методу "снежного кома", т.к. эти группы расселены диффузно. Отбор респондентов начинался с выбора нескольких "стартовых персон" – авторитетных людей, принадлежащих к данной группе, представляющих ее разные слои. Такой отбор мог быть случайным (в бытовом смысле). Однако при осуществлении проекта мы часто обращались в культурные центры, правления общин, церковь или национальную школу, где можно было получить их фамилии. Как правило, сотрудники культурного центра предупреждали последних о предстоящем опросе, чтобы сформировать у них позитивную установку на сотрудничество. Затем среди них проводилось интервью, а в заключение их просили назвать несколько фамилий и адресов других представителей данной группы, которые проживают в том же городе и к которым можно обратиться с просьбой ответить на вопросы исследования. Далее эта процедура повторялась еще и еще раз до тех пор, пока итоговая выборка не достигла установленной величины. Объем выборки – 629 человек. В Казани было опрошено 111 украинцев, 101 чуваш, 100 немцев и 100 армян. В Набережных Челнах – 53 украинца, 58 чувашей, 53 немца и 53 армянина. Выбор этих двух городов обусловлен прежде всего тем, что они наиболее ярко характеризуются полиэтничным составом населения. При выборе качественных методов сбора данных мы остановились на методе глубинных интервью, которые проводились как с активистами и членами национально-культурных организаций, так и с представителями соответствующих групп, не состоящими в общине. Всего было проведено 60 интервью (40 – в Казани и 20 – в Набережных Челнах). При написании данной статьи также использовались, как сопоставительные, материалы указанных в примечании проектов. В настоящей статье понятия "этнический" и "национальный", а также производные от них употребляются как слова-синонимы.

В контексте нашего исследования базовыми являются два положения теории Ф. Барта. Во-первых, это – вывод о том, что определителем для членства в группе становятся социально-задаваемые факторы, в основе которых лежит феномен категориального приписывания, а не "объективно" существующие культурные различия. Во-вторых, члены групп как при самоидентификации, так и в процессе отнесения других к определенным этническим группам принимают во внимание не просто сумму объективных различий, а лишь те из них, которые самими индивидами воспринимаются как значимые (Дробужева 1998: 20–21).

Иерархия и пространство идентичностей

В современном обществе индивид вынужден соответствовать большому количеству социальных ролевых ожиданий, а это предполагает формирование множественной идентичности. В зависимости от социального контекста определенные идентичности могут актуализироваться, либо становиться менее значимыми, что следует понимать не только как пассивную реакцию на окружающую среду, но и как осознанное индивидуальное распределение приоритетов (Воронков 1998: 13). Таким образом, конфигурация идентичности включает в себя совокупность значимых базовых идентификаций, формирующихся в течение всей жизни человека, из которых этническая является одной из самых устойчивых (Лебедева 1993: 173).

В самосознании населения современной России устойчиво сохраняется номинальная (декларируемая официально) идентичность. Данное явление характерно и для тех групп этнических меньшинств, которые стали объектом нашего исследования. У 76% немцев, 98% армян, 92% чувашей и 70% украинцев номинальная и внутренняя национальности совпадают. Анализ глубинных интервью показал, что у части респондентов наблюдается амбивалентная этническая идентичность, характеризующаяся идентификацией с двумя этническими группами (как правило, со своей и доминантной). Наиболее ярко амбивалентность этнической идентичности зафиксирована среди украинцев и немцев. Каждый третий среди первых и каждый четвертый среди вторых отметили множественность национальных принадлежностей.

Из интервью:

«Когда я заполняла анкету, там была графа "Кем я себя ощущаю по национальности?" Если судить по паспорту, то я – русская. А кем я себя ощущаю? Написала: "Российская немка"» (жен., 1972 г.р., немка, Казань).

"Честно говоря, я затрудняюсь четко определить свою национальную принадлежность. Поскольку до 16 лет я жила в Германии, отец у меня немец, то, приехав в СССР, в паспорте я записалась русской чисто формально, поскольку мама считала, что так будет лучше. Теперь я понимаю, что русское во мне тоже, конечно, есть. Муж у меня русский, у детей также русские семьи. Но я чувствую, что чем старше становлюсь, тем больше чувствую себя немкой. Мне кажется, это связано с возрастом, ведь молодежь в основном интернациональна. Я же всегда была между русскими и немцами. И до сих пор я смотрю на себя так. Конечно, во мне есть русское – от матери. Но по воспитанию я немка, детство провела в Германии, а чем старше человек делается, тем чаще он обращается в детство... Но я считаю, что моя принадлежность и к русским, и к немцам, меня только обогатила" (жен., 1934 г.р., немка, Казань).

"Я, наверное, процентов на 80 русская и на 20% украинка. Тяга к Украине, конечно, есть – все-таки родина. Там бываю каждый год, еще не было года, чтобы я туда не ездила. Но и здесь я уже живу 30 лет. И в последнее время я стала замечать, что своим домом я считаю Казань, а не Украину. Приеду туда и говорю: "А вот у нас дома, в Казани..." Раньше было наоборот. Таких, как я много, в том числе и в общении. Те, кто прожил здесь лет по 25–30, они, наверное, уже больше русские" (жен., 1950 г.р., украинка, Казань).

"Я не могу сказать, что я только украинка или только русская. Я не могу отделить себя от Украины. Но в то же время я не могу отделить себя и от русских. Понимаете? Это совокупность двух миров..." (жен., 1965 г.р., украинка, Казань).

Часть наших респондентов старшего поколения отмечала, что испытывала чувство неуверенности при определении этнической принадлежности. Так, при получении паспорта в 16-летнем возрасте им предстояло принять национальность родителей (или одного из них), что для детей из моноэтнических семей могло стать проблемой в случае наследования "стигматизированной национальности".

Из интервью с председателем Национально-культурной автономии немцев Татарстана В.Г. Дицем:

"В годы последней страшной войны лучше было вовсе не быть немцем – это оставляло шанс выжить. С тех пор история российских немцев обернулась национальной трагедией".

Дети же из этнически-смешанных семей, напротив, обладали возможностью выбора и чаще принимали решение в пользу той национальности, которая в дальнейшей жизни не принесет им проблем.

Из интервью:

«Когда я приехала из Германии в СССР и получала в 16 лет свой первый паспорт, мама мне сказала, что нужно определить свою национальность. В Германии я с этим не сталкивалась. Я была в затруднении. Мама сказала: "Ты можешь взять мою национальность (русская) или национальность отца (немец). Но мы приехали в Россию, и, наверное, будет лучше, если ты будешь считаться русской". Поэтому я написала "русская". И до сих пор везде пишу себя русской» (жен., 1934 г.р., немка, Казань).

Однако далеко не всегда речь шла лишь о принятии "выгодной" национальности. Чаще всего возникала ситуация, когда индивидуальный выбор однозначной этнической принадлежности был невозможен. Часто немцы предпочитали не указывать в официальных документах свою этническую принадлежность, поскольку это могло послужить причиной дискриминации:

«Я хотела написать в паспорте, что я немка, но родители сказали: "С ума сошла! Ты не поступишь ни в один институт, это будет клеймо на всю твою жизнь!"» (жен., 1972 г.р., немка, Набережные Челны).

«Когда я получала паспорт, мне родители не ставили каких-то рамок и не давали никаких советов по поводу выбора национальности. Я действовала по собственному убеждению. Но может быть сыграла роль какая-то детская обида за то, что меня в детстве называли "фашисткой", дразнили "Рудольф-Адольф", так как моя фамилия рифмуется с именем Гитлера...» (жен., 1955 г.р., немка, Казань).

Среди респондентов, заявивших о несовпадении номинальной идентичности с внутренней, 14% украинцев и 6% немцев считают себя в большей степени русскими.

Из интервью:

"Я вышла замуж за русского, давно живу в России и сама сейчас тоже как бы русская. Даже если бы я попала на Украину, там, наверное, я тоже была бы русской" (жен., 1950 г.р., украинка, Казань). "Меня не считали настоящим немцем, и я тоже себя не считал. Хотя, когда был юбилей, кто-то из немецкой общины поздравил меня... А в целом я должен прямо сказать, что меня воспринимают как русского" (муж., 1921 г.р., немец, Набережные Челны).

Большинство опрошенных заявило, что они не испытывают дискомфорта от ситуации несовпадения номинальной идентичности с внутренней:

"Я считаю, что запись в паспорте – это ерунда, это для чиновников важно. Для себя же я думаю так: если ты приходишь из смешанной семьи, то определить национальность можно по тому, к какой культуре ты больше тяготеешь – отца или матери. Это зависит от языка, воспитания, менталитета" (жен., 1934 г.р., немка, Казань).

"Я росла на Украине и паспорт получала там. Тогда я совершенно не задумывалась над выбором национальности. Записалась русской, хотя всегда считала себя украинкой. Но по этому поводу я не комплекую" (жен., 1967 г.р., украинка, Набережные Челны).

Несмотря на то, что изучаемые нами группы находятся под влиянием двух доминантных, но официально равностатусных культур – татарской и русской, абсолютное большинство среди респондентов, характеризующихся амбивалентностью этнической идентичности, идентифицирует себя только с русскими. Последнее для них имеет скорее внеэтническое значение. Здесь мы имеем дело с очень тонким и многозначным вариантом "границы", когда гражданское прорастает этническим и наоборот (Тышков 2003: 110).

Для измерения актуальности этничности нами использовался модифицированный тест Куна – Макпартленда "Кто Я?", с помощью которого были определены актуализированные самоидентификации и выявлена представленность категории "этничность" в идентификационной матрице. Вся совокупность свободных самохарактери-

Таблица 1

**Место этнической идентичности в структуре социальной идентичности,
% от общего числа опрошенных**

Место	Украинцы		Чуваши		Армяне		Немцы	
	Казань	Набережные Челны	Казань	Набережные Челны	Казань	Набережные Челны	Казань	Набережные Челны
I	–	1,9	1,0	6,9	1,0	5,7	4,0	3,8
II	3,6	1,9	7,9	3,4	8,0	1,9	4,0	1,9
III	7,2	1,9	8,9	–	5,0	3,8	3,0	1,9
IV	26,1	–	12,9	3,4	25,0	–	2,0	–
V	2,7	–	1,0	1,7	4,0	1,9	–	–
VI	21,6	–	24,8	–	17,0	–	–	–
Затруднились ответить	38,8	94,2	43,4	84,6	40,0	86,7	87,0	92,4

стик была подвергнута контент-анализу с последующим ранжированием. Актуальность той или иной категории можно определить по тому, какое место в ряду самокатегоризаций она занимает. Следуя этой логике, категория, названная первой, будет считаться самой значимой для респондента, а названная последней – наименее важной.

В результате анализа полученных данных было выявлено, что число объективных самохарактеристик (включающих гендерную, семейную, профессиональную, половозрастную принадлежности) преобладает над субъективными. Г.У. Солдатова отмечает закономерность такого результата: по ее мнению, восприятие человеком самого себя происходит в контексте социальных взаимоотношений, поэтому число объективных характеристик обычно преобладает над числом субъективных (Солдатова 1998: 302). Первые позиции в социальной идентичности в исследуемых группах занимает гендерная принадлежность. Следующие в иерархии статусные категории определяют респондентов как членов микросоциальных общностей – это профессиональная принадлежность и семейные роли. Это характерно для всех исследуемых групп. Затем следуют личностные характеристики, включающие такие категории, как "человек", "личность", "житель Земли", "спортсмен", "активист" и др.; критерии возраста, образования, позитивные и негативные самооценки нравственных и интеллектуальных качеств и личностных свойств ("хороший друг", "общительный", "трудолюбивый", "интеллектуальный", "труженик", "хороший специалист" и т.д.). Место этнической идентичности в структуре социальной идентичности исследуемых групп представлено в Табл. 1.

Исходя из представленных выше данных констатируем, что этничность, будучи достаточно актуальной категорией для представителей изучаемых групп этнических меньшинств, лишь для небольшой доли респондентов представляет приоритетную по значимости категорию. Как было отмечено выше, в целом объективные базовые характеристики доминируют над этнической: гендерная принадлежность, профессиональный статус, семейное положение и семейные роли занимают приоритетные позиции во всех исследуемых группах. Аналогичные данные были получены нами и при исследовании групп этнического большинства республики.

С целью определения социально-психологического уровня этнической идентичности мы рассмотрели потребности людей в этнической принадлежности. Эта проблема изучалась через исследование этноаффилиативных установок (авторы инструмента-

рия Г.У. Солдатова и С.В. Рыжова – Солдатова 1998: 193–194). В наш "Вопросник по изучению малых этнических групп в городах Татарстана" были включены две пары суждений: 1) индикаторы, отражающие высокую потребность в этнической принадлежности (этноаффилиативные тенденции): *"Никогда не забываю о своей национальной принадлежности"* и *"Человеку необходимо ощущать себя частью национальной группы"*; 2) индикаторы, демонстрирующие низкую потребность в этнической принадлежности (антиаффилиативные тенденции): *"Для меня не имеет значения моя национальность и национальность окружающих"* и *"Современному человеку не обязательно чувствовать себя частью какой-то национальности"*.

Результаты исследования свидетельствуют, что выраженность этноаффилиативных тенденций у армян существенно выше, нежели в остальных изучаемых группах. О высоком уровне социально-психологической общности и групповой солидарности свидетельствует следующее: 2/3 армян *никогда не забывают о своей национальной принадлежности*; около 40% считают, что *межэтнические браки негативно сказываются на этнической сплоченности* (у украинцев и немцев последний показатель равен 15%, у чувашей – 10%); 7% армян считают, что *настоящая дружба может быть только между людьми одной национальности* (среди представителей других народов данная позиция вообще не была зафиксирована).

Из интервью:

"Я не делаю разделения по национальному признаку, когда общаюсь с людьми. Но когда возникает какая-либо проблема или сложная ситуация, я буду ее обсуждать с людьми своей национальности (родственниками или друзьями) и только на родном языке" (муж., 1966 г.р., армянин, Казань).

Потребность в психологической общности со своей этнической группой в два раза ниже в сравнении с армянами среди немцев (около 35%), украинцев (около 25%), чувашей (около 40%). По материалам исследовательского проекта "Межэтническая толерантность и психологическая напряженность в условиях крупного полиэтничного города" среди этнического большинства республики данный показатель у татар составляет 66,5%, у русских – 27,2%. Показатели антиаффилиативных установок среди групп этнических меньшинств распределились следующим образом: у армян – 30%, у немцев – 65%, у украинцев – 75%, у чувашей – 60%.

Среди армян выявлен и более высокий в сравнении с другими этническими группами уровень приверженности групповым интересам – 27% респондентов *готовы использовать любые средства для защиты интересов собственного народа*. Среди представителей других исследуемых групп этот показатель колеблется от 16,2% у украинцев до 20,8% у чувашей. Ярко выраженный этноаффилиативный комплекс у армян является, по-видимому, отражением позитивного образа "Мы", характерного для этой группы. Так, в ходе интервью армяне демонстрировали более высокий уровень национального самоуважения и гордости по сравнению с другими изучаемыми группами:

"Я горжусь тем, что я армянин. Я горжусь тем, что мне дали такое воспитание, привили уважение к своей семье. Я горжусь армянским трудолюбием. Также чувствую гордость, если кто-либо из армян чего-либо добивается, достигает высокого положения" (муж., 1964 г.р., армянин, Казань).

"Могу сказать, что с возрастом мои чувства к своему народу менялись только в лучшую сторону. Сейчас я испытываю по отношению к своему народу, во-первых, чувство любви; во-вторых, чувство сострадания; в-третьих, гордость и радость за свой народ" (жен., 1967 г.р., армянка, Набережные Челны).

С целью выявления наиболее значимых категорий как внутригрупповых этноинтегрирующих характеристик, мы использовали традиционный для этносоциологов и этнопсихологов вопрос: *"Что, по вашему мнению, больше всего сближает (роднит) вас с людьми вашей национальности? Ответ проранжируйте"*. Полученные эмпирические данные сведены в Табл. 2.

Компоненты этнической идентичности*

Категория	Украинцы				Чуваши				Армяне				Немцы			
	Казань		Набережные Челны		Казань		Набережные Челны		Казань		Набережные Челны		Казань		Набережные Челны	
	%	место	%	место	%	место	%	место	%	место	%	место	%	место	%	место
Происхождение	36,0	I	34,0	I	36,6	I	37,9	I	33,0	I	34,0	I	40,0	I	35,8	
Культура	6,3	III	5,7	IV	7,9	III	5,2	IV	4,0	V	3,8	V	9,0	III	3,8	IV
Язык	13,5	II	17,0	II	32,7	II	19,0	II	26,0	II	17,0	II	16,0	II	9,4	II
Религия	5,4	IV	3,8	V	1,0	V	5,2	IV	3,0	VI	1,9	VI	3,0	VII	1,9	V
Родная земля, природа	13,5	II	7,5	III	9,9	IV	8,6	III	12,0	III	5,7	IV	6,0	V	7,5	III
Черты характера	4,5	V	5,7	IV	1,0	V	5,2	IV	1,0	VII	7,5	III	7,0	IV	3,8	IV
Историческое прошлое	1,8	VII	5,7	IV	1,0		3,4	V	1,0	VII	5,7	IV	9,0	III	7,5	III
Внешний облик	1,8	VII	3,8	V	1,0	V	5,2	IV	5,0	IV	3,8	V	4,0	VI	3,8	IV
Этническое самосознание	6,3	III	1,9	VI	1,0	V	1,7	VI	5,0	IV	7,5	III	3,0	VII	1,9	V
Что-то неуловимое	2,7	VI	3,8	V					1,0	VII			3,0	VII	1,9	V

* Последовательность представлена на основе подсчета совокупности оценок по 10-балльной шкале по каждой категории.

Данные Табл. 2 наглядно демонстрируют, что во всех изучаемых группах первое место среди этноконсолидирующих признаков занимает происхождение. Это свидетельствует о том, что большинство респондентов отдает предпочтение традиционному определению этнической принадлежности – по происхождению. На втором месте стоит язык. В ходе исследования выявлены и различия в степени актуальности перечисленных категорий как внутригрупповых этноинтегрирующих характеристик. Так, категория "культура" находится на третьем месте у украинцев, чувашей и немцев в Казани и на четвертом месте в Набережных Челнах. Армяне в обоих городах поставили категорию "культура" на пятое место, указав на третьем месте категории "родная земля, природа" (г. Казань) и "черты характера", "этническое самосознание" (г. Набережные Челны). Религия как этноинтегрирующий признак находится на четвертом и пятом местах у украинцев и чувашей, у армян и немцев на пятом – седьмом. Значимость этнического самосознания как этноинтегрирующего признака наиболее четко выражена у армян (четвертое место – Казань и третье место – Набережные Челны). Ориентация на историческое прошлое в большей степени выражена у немцев (третье место в обоих городах).

Различия в степени актуальности перечисленных категорий как внутригрупповых характеристик обусловлены рядом факторов. По материалам массовых опросов этнического большинства Татарстана категория "происхождение" в структуре их идентичности оказывается не столь актуальной (Мусина 2002: 42–56; Столярова 2004: 119). Возможно, что столь значимый для меньшинств компонент "происхождение" служит противопоставлению себя другим, а сама этническая группа начинает восприниматься как общность, связанная не только единством культуры, языка, территории, но и "голосом крови". Это может быть связано также и с тем, что роль других факторов (язык, культура, территория и др.) у представителей меньшинств по сравнению с группами большинства ослаблена. Аналогичные результаты представлены и в работах других российских исследователей (Смирнова 2002: 177; Коровушкин 1997: 22).

Итак, в среде изучаемых групп этнических меньшинств общий уровень актуализации этнической идентичности невысок – объективные базовые характеристики доминируют над этническими. Этноаффилиативные установки наиболее выражены среди армян и имеют сходный показатель с татарами республики. У немцев, украинцев и чувашей потребность в психологической общности со своей группой значительно ниже, что близко по показателю к русским Татарстана. Во всех изучаемых группах первое место среди этноинтегрирующих признаков занимает происхождение, второе – язык. У части респондентов наблюдается амбивалентная этническая идентичность, характеризующаяся идентификацией с двумя этническими группами "своей" и "русской". Наибольшее распространение эта тенденция имеет среди украинцев и немцев.

Языковое поведение и лингвокультурная компетенция

Как было отмечено выше, в самосознании этнического меньшинства языковой компонент как внутригрупповой интегрирующий признак занимает второе место, уступая первостепенное значение категории "происхождение". Важная роль этноязыкового компонента как интегрирующего признака подчеркивалась респондентами и в глубинных интервью:

"Мой родной язык, конечно, армянский. Я одинаково свободно могу общаться и на русском, и на армянском языке, но со своими близкими друзьями-армянами я общаюсь почти исключительно на родном языке. Это нас объединяет" (муж., 1966 г.р., армянин, Казань).

"Я ощущаю себя немкой, когда приезжаю на историческую родину, к родственникам, общаюсь с ними на немецком языке. Хотя сама я говорю плохо, но все понимаю, и вообще мне приятно слышать родную речь. Вот тогда у меня появляется ощущение, что я немка. В остальное время я об этом как-то не задумываюсь" (жен., 1951 г.р., немка, Набережные Челны).

Существует точка зрения, что приверженность национальному языку выполняет в сознании этнической группы конструирующую роль. По мнению Б. Андерсона, рассматривавшего нации как "воображаемые сообщества", они существуют благодаря символическим ресурсам: "...члены даже самой маленькой нации никогда не будут знать большинства своих собратьев по нации, встречаться с ними или даже слышать о них, в то время как в умах каждого из них живет образ их общности" (Андерсон 2001: 31). Частью этого образа, как правило, является национальный язык, признание которого в качестве родного может быть выражением групповой солидарности.

Существует и другая точка зрения, согласно которой в ситуации утраты языковой компетенции и ослабления языкового компонента в этническом самосознании происходит его компенсация за счет других элементов, таких как общность происхождения, религия, неязыковые формы духовной культуры. В ситуации усиления интегрирующей роли неязыковых элементов "общая система этнического самосознания остается в целом неизменной" (Губогло 1998: 51).

Но при этом с понижением значимости языка в этническом самосознании понижается роль и других ее признаков, функционирующих на основе национального языка. По данным нашего исследования, около половины респондентов имеют в доме литературу на национальном языке, записи народной музыки, знают народные песни. Однако лишь 12% армян и около 5% украинцев и чувашей читают книги национальных авторов, треть отмечает народные праздники. Гастроли своих национальных театров посещают 27% украинцев, 39% немцев и 48% армян. Очевидно, актуализация языкового признака в этническом самосознании армян и чувашей определяет более высокий уровень потребления и культурные ориентации изучаемых групп в сфере национальной духовной культуры, языковых форм профессионального искусства. В интервью респонденты-армяне и чувашаи демонстрировали готовность приобретать литературу на национальном языке и записи национальной музыки:

"У меня есть дома несколько книг на армянском языке. Хотя они лежат не на видном месте, отношение к ним совсем другое, нежели к русской литературе. И если я увижу книгу стихов на армянском языке, то обязательно приобрету" (муж., 1966 г.р., армянин, Казань).

"На концерты и представления чувашских артистов я не хожу, т.к. не с кем, нет компании. Но иногда на свадьбах и других мероприятиях пою песни на чувашском языке. При случае покупаю кассеты с чувашскими песнями" (жен., 1957 г.р., чувашка, Казань).

Полученные в ходе нашего исследования материалы показывают, что наиболее высокая этноинтегрирующая роль языка наблюдается среди армян (более 80% респондентов в обоих городах считают родным национальный язык). Более 50% немцев и украинцев считают родным русский язык. Темпы языковой ассимиляции среди украинцев усиливаются за счет высокой степени родства с русским языком. Среди чувашей, по сравнению с другими народами, наиболее интенсивно распространена ориентация на два родных языка:

"Я считаю родным чувашский и в какой-то степени русский язык, потому что хотя мои предки чувашаи, но русский мне тоже почти родной, ведь я на нем постоянно общаюсь и это язык моей семьи. Мне даже трудно провести между ними разделение" (муж., 1955 г.р., чуваш, Казань).

Языковое поведение респондентов-армян является отражением ярко выраженной этнической солидарности, характерной для этой группы. Это подтверждается и тем, что самым популярным ответом на вопрос о причинах осознания того или иного языка в качестве родного у армян как в Казани, так и в Набережных Челнах оказалась позиция: "Это язык моего народа" (Казань – 68%, Набережные Челны – 63%).

Среди украинцев и немцев в обоих городах при ответе на вопрос: "Почему именно этот язык Вы считаете родным?" лидировал вариант: "Это был мой первый язык" (украинцы: Казань – 45%, Набережные Челны – 60,4%; немцы: Казань – 62%, Набережные Челны – 49,1%). Около половины чувашей в Казани при ответе на данный во-

прос выбрали позицию "Это язык моего народа", а в Набережных Челнах – "Это был мой первый язык". Далее, с большим отрывом, следовали варианты: "Это язык моей матери", "Это язык моего отца".

М.Н. Губогло справедливо отмечает, что родной язык представляет личностный аспект. Называя тот или иной язык своим родным языком, человек манифестирует прежде всего свое национальное (этническое) самосознание (Губогло 1998: 51). Этнопсихологическое же понимание родного языка у разных групп и индивидов может основываться на разных представлениях: одни могут подразумевать под родным языком реальное языковое поведение, другие – видеть в нем больше признак этнического самосознания. Определяющим фактором здесь служит конкретная социальная среда. Этим мы объясняем тот факт, что среди представителей исследуемых групп, проживающих в Набережных Челнах, зафиксировано большее число респондентов, назвавших национальный язык в качестве родного. При этом уровень языковой компетенции ниже; а число людей, думающих или впервые заговоривших на национальном языке, либо совпадает, либо меньше, нежели в Казани. Украинцы, проживающие в Набережных Челнах, характеризуются более высоким уровнем лингвокультурной компетенции и большим числом людей, впервые заговоривших на украинском языке.

Анализируя лингвокультурную компетенцию, мы зафиксировали ее наиболее высокий показатель у армян и чувашей. На национальном языке или на национальном и русском языках думают только 80% армян и 60% чувашей.

Т.Г. Стефаненко отмечает, что для людей с бикультурной компетентностью характерно "переключение кодов", когда в зависимости от ситуации происходит переход с одного языка на другой (Белинская, Стефаненко 2003: 179–180). Среди наших респондентов около 40% армян и чувашей и около 20% украинцев и немцев указали, что для них характерна именно такая особенность:

"Я обычно думаю на русском языке, но когда общаюсь с родственниками, начинаю думать на чувашском" (жен., 1950 г.р., чувашка, Казань).

"Я читаю, пишу и разговариваю на армянском языке, а думаю где-то на 20% на армянском и 80 – на русском языке" (муж., 1977 г.р., армянин, Набережные Челны).

"Дома я мыслю в основном на украинском, а на работе – на русском" (жен., 1950 г.р., украинка, Казань).

Около 40% среди армян и чувашей и треть украинцев не стремятся повысить свою этноязыковую компетенцию:

"Я общаюсь на родном языке с родственниками, когда приезжаю в деревню. С женой и детьми мы говорим по-русски, поэтому не вижу особой необходимости дополнительно изучать язык. Мне достаточно того, что есть" (муж., 1955 г.р., чуваш, Казань).

"Язык я понимаю, но говорю плохо. Пока не работала, пыталась ходить в общину, чтобы лучше изучить язык. А потом устроилась на работу и забросила, потому что график был неудобный. Так и не удалось осуществить, хотя хотелось бы, конечно, лучше знать язык" (жен., 1951 г.р., украинка, Набережные Челны).

Наибольшее стремление изучить национальный язык зафиксировано нами среди немцев (76% – в Казани и 83% – в Набережных Челнах), что объясняется прагматическими соображениями респондентов. Каждый пятый из опрошенных немцев, проживающих в Казани, и почти половина – в Набережных Челнах, собираются сменить место жительства, причем 26% и 43,4% соответственно планируют переехать за границу, преимущественно в Германию. Чем выше миграционные установки респондентов, тем больше число желающих изучить национальный язык, ибо знание немецкого языка является важнейшим условием дальнейшей социальной адаптации.

Из интервью:

"Я целый год ходила в немецкое общество на языковые курсы. Это было связано с тем, что мы собирались выезжать" (жен., 1972 г.р., немка, Казань).

Живя между русскоязычным и татароязычным населением, практически все представители групп этнических меньшинств в республике владеют русским языком на бытовом уровне. По данным переписей 1970, 1979 и 1989 годов, около половины представителей интересующих нас этнических групп указывали, что свободно владеют русским языком (Итоги переписи 1989: 22–25).

По данным переписи 2002 г. свободно владеют русским языком 95% армян, 99% немцев, 99% украинцев, 94% чувашей, проживающих в республике (Итоги переписи 2002: 23–25). В этом отношении представляется обоснованным мнение В.А. Тишкова, считающего, что "русский язык является культурной собственностью и капиталом не только русских, но и большинства мордвы, удмуртов, чувашей, бурят, осетин и многих других" (Тишков 2005: 224).

Количество представителей интересующих нас групп этнических меньшинств, считающих родным русский язык, увеличивается у городского населения. По данным переписи 1989 г. в городах Республики Татарстан русский язык считали родным 49,9% украинцев, 23,7% чувашей и 38,4% представителей других малых этнических групп. В среде сельского населения Республики Татарстан русский язык считали родным 37,3% украинцев, 2,7% чувашей и 23,1% представителей других малых этнических групп (Итоги переписи 1989: 18–21). Таким образом, мы можем констатировать, что тезис о том, что утрата языка ведет к утрате этнической идентичности не находит подтверждения.

Важным аспектом этноязыкового поведения этнических меньшинств республики является их отношение к государственному татарскому языку. Исследования, проведенные в 1990-х годах по изучению языковой компетенции народов Татарстана, показали, что знание татарского языка среди этнических меньшинств республики существенно превышало языковую компетенцию русских, а в сельской местности разница была еще более существенной: каждый пятый из марийцев, удмуртов свободно владел татарским языком. Данная ситуация была характерна в целом и для нетрадиционных для региона меньшинств (Исхакова 2002: 29). При ответе на вопрос: "Какими языками вы владеете?", каждый десятый среди армян, немцев, украинцев и 38,6% чувашей отметили татарский язык.

На перспективу развития этноязыковой ситуации большое влияние оказывает психологическая установка населения на предпочитаемый язык для детей, поскольку это "говорит не только о реальном языковом поведении, но и об эмоциональном отношении к национальному языку, о ценностной ориентации по этому поводу" (Пименов 1977: 95). Она определяется двумя параметрами: во-первых, по степени осознания необходимости знания детьми национального языка, и, во-вторых, по выбору средств для достижения этой цели. На вопрос: "Хотите ли вы, чтобы ваши дети владели национальным языком?" – утвердительно ответили 69% украинцев, 71% чувашей, 83% немцев и 93% армян. Безразлично к этому отнеслись 20,7% украинцев, 16,8% чувашей, 8% немцев и 5% армян. Отрицательно – 6,9% чувашей и не более одного процента в других группах. Интересно, что лишь среди армян и немцев число тех, кто хотел бы, чтобы его дети знали национальный язык, превышает число тех, кто сам знает язык. Очевидно, что для представителей данных групп "язык принадлежит к значимым этническим ценностям, причем проявление этого стереотипа носит более выраженный характер не в реальном поведении, а в прожективном" (Старовойтова 1987: 97).

Конкретные шаги в этом направлении намерены предпринять менее 50% опрошенных украинцев и чувашей (53% украинцев и 62% чувашей в обоих городах затруднились назвать конкретные действия, которые они предпринимают или хотели бы предпринять для того, чтобы их дети владели национальным языком). Среди украинцев зафиксирован наиболее высокий показатель пассивной стратегии на изучение национального языка детьми (15,3% опрошенных не считает нужным ничего предпринимать для этого).

Из интервью:

"Детям все равно, у них нет никакой тяги к Украине, тем более что семьи у них смешанные: сын женат на татарке, у дочери муж наполовину татарин. У молодежи другие интересы" (жен., 1931 г.р., украинка, Казань).

"Для меня родным языком является чувашский. Но мои дети его не знают. У них не было желания изучать чувашский язык, так как они общались в основном с русскими, а я не настаивала" (жен., 1957 г.р., чувашка, Казань).

В то же время 57% немцев и 68,6% армян готовы осуществлять и осуществляют конкретные действия в этом направлении. Среди приоритетных шагов были выделены следующие:

общению на национальном языке в семье отдают предпочтение 26,8% украинцев, 22,6% чувашей, 28,1% армян и 29,4% немцев. По результатам нашего исследования семья является главным агентом этноязыковой социализации во всех исследуемых группах;

посещение национально-культурной организации или воскресной школы – 11,5% украинцев, 3,7% чувашей, 22,2% армян и 17,6% немцев;

поездки на историческую родину – 6,1% украинцев, 5,8% чувашей, 7,1% армян;

чтение специальной литературы, книг, учебников – 3% украинцев, 0,6% армян, 2,6% немцев. Незначительная роль национальной литературы, книг, СМИ в процессе этноязыковой социализации во многом связана с их явной недостаточностью, а иногда и полным отсутствием.

Из интервью:

"Хотелось бы, конечно, чтобы дети знали родной язык. Но сейчас уже поздно для этого что-либо делать. Все, что я могу, – это отправлять их к родственникам в деревню для языковой практики. Язык они понимают, хотя говорят плохо" (муж., 1955 г.р., чуваш, Казань).

"Дочь не знает армянского, и я не вижу необходимости предпринимать сейчас какие-либо шаги в этом направлении. Думаю, что стоит ей на лето съездить в Армению, и она будет разговаривать не хуже, чем я" (муж., 1960 г.р., армянин, Казань).

Большое влияние на этноязыковую ситуацию оказывает также история формирования группы. В этнодемографической структуре республики среди изучаемых нами групп самой "молодой" можно считать армян. По материалам исследования лишь каждый пятый среди армян прожил в Казани не менее 10 лет или является уроженцем города (среди других изучаемых групп уроженцами Казани явились не менее 70% участников опроса). Среди респондентов-армян 81% прибыло из Армении, у 78% из них первым языком был армянский. Большинство из них получило среднее образование на армянском языке. Таким образом, можно констатировать, что социализация и длительное проживание в этнически родной среде положительно отражается на реальном функционировании национального языка и этнокультурных ориентациях в иноэтничном окружении. Высокий уровень образования с национальным компонентом демонстрируют также чувашаи.

Итак, большое значение, придаваемое языку как этноконсолидирующему и этноинтегрирующему признаку представителями групп этнических меньшинств, подтверждает его важную роль в структуре этнической идентичности и сохранении этногрупповой солидарности. Однако, на наш взгляд, особое значение здесь имеет символическая роль языка как этноинтегрирующего и этноконсолидирующего признака, нежели его фактическое знание и использование членами группы.

Этнокультурное пространство: консерватизм и глобализация

Исследование показало, что в бытовой культуре исследуемых групп отчетливо проявляется тенденция к сужению этнически маркированного слоя. Это обусловлено вли-

янием социокультурной среды крупного полиэтничного города, культуры этнического большинства, доминированием массовой культуры, образцы которой занимают основное место в системе элементов жизнеобеспечения. Элементы материальной культуры (жилище, утварь, одежда, украшения, пища) в значительной степени носят унифицированный характер, а их отличия обусловлены, главным образом, социальным положением респондентов, родом занятий, уровнем доходов, индивидуальными потребностями и т.п. Этническая специфика материального быта чаще всего проявляется в компонентах с утилитарными функциями: в деталях интерьера жилищ и предметах быта, пище, незначительно в одежде. Так, подобную нагрузку несут различные детали внутреннего убранства жилища – вышитые полотенца, скатерти, коврики, кружево, стилизованная под традиционные формы утварь, предметы религиозного ритуала, элементы традиционного костюма и украшений, повседневные, праздничные и ритуальные национальные кушанья. Наши материалы показывают взаимосвязь между сохранностью этнических особенностей элементов материального быта и целым рядом факторов. Особое значение в сохранении национальной специфики имеют этнические факторы (этническое окружение, связь с национально-культурной организацией, этническая однородность семьи). В национально-смешанных семьях сохранность этнически окрашенных элементов материальной культуры тем выше, чем меньше культурно-бытовые (в том числе и конфессиональные) отличия у супругов разных национальностей. Исключение в этом ряду составляет пища.

Наши данные говорят о реальном бытовании блюд национальной кухни. 90% армян, 80% украинцев и более 60% немцев и чувашей утверждают, что готовят дома блюда национальной кухни. На просьбу назвать любимые национальные блюда 70% немцев и чувашей, а также свыше 90% армян и украинцев перечислили названия традиционных блюд, идентифицированных ими как национальные. В глубинных интервью на эту тему информаторы говорят подробно и с удовольствием. Но все это, как правило, является декларацией, ибо "национальной" кухня становится не благодаря частому приготовлению каких-либо блюд, а вопреки повседневной кухне, состоящей из "интернациональных" блюд. Существует тенденция к складыванию общих черт в сфере питания, обусловленных длительными этническими контактами. Все инонациональные кухни испытывают влияние со стороны русской и татарской кулинарии. На вопрос: "Как вы считаете, живя среди русских и татар, заимствовали ли вы от них что-либо?", 7% армян и каждый пятый среди украинцев, чувашей и немцев ответили: "Кухню". В ходе интервью многие респонденты, в первую очередь чувашаи и немцы, отмечали существенное воздействие на сферу питания со стороны культурных традиций этнического большинства.

Внешнее иноэтническое окружение (татарское и русское) оказывает существенное влияние на быт этнических меньшинств. При этом большое значение имеет длительность проживания респондентов в инонациональной среде и связь с "материнским этнорегионом". Более сильная сохранность этнически специфичных элементов материальной культуры отмечена у тех респондентов, кто до переезда в Татарстан проживал среди представителей своей национальности.

Заметное влияние на формирование быта респондентов оказывают социально-демографические параметры – возраст, образовательный уровень, социально-профессиональный статус респондентов. Так, в старших возрастных группах со сравнительно низким уровнем образования наблюдается большая степень сохранности элементов традиционной культуры, нежели у молодых людей. Отдельные предметы традиционной обстановки и утвари, детали традиционного костюма встречаются чаще у пожилых респондентов. По результатам нашего исследования наличие предметов традиционной культуры и быта в возрастной группе старше 50 лет зафиксировано у двух третей респондентов, а в более молодых возрастных группах – трети. Для молодежи характерны лишь унифицированные формы материального быта.

Подавляющее большинство респондентов не имеет в доме предметов традиционной материальной культуры своего народа (исключение составляют люди старших возрастных групп). Несмотря на то, что более 50% респондентов разных возрастных групп хотели бы иметь в доме какие-либо предметы национальной культуры, большинство из них не предпринимает реальных шагов для их приобретения. Это свидетельствует о низкой степени потребности в этнически окрашенных элементах материальной культуры среди исследуемых групп этнических меньшинств.

Исследование духовной культуры групп этнических меньшинств было построено нами на рассмотрении их национально-культурных ориентаций, на выявлении уровня компетенции в сфере этнической культуры, на характеристике системы обрядов и обычаев, а также реальной трансмиссии этнокультуры. Анализ национально-культурных ориентаций наших респондентов через изучение потребления различных форм культуры показал, что в целом респонденты высоко оценивают свою этнокультурную компетенцию. Около половины респондентов во всех изучаемых группах декларируют интерес к национальной музыке, песням и танцам, читают литературу национальных авторов, интересуются историей своего народа.

Однако мы считаем, что приверженность национально-культурным (в том числе религиозным) традициям является во многом "культурной инсценировкой" (Ионин 2001), ибо среди всех изучаемых групп высока доля лиц, не давших ответов на ряд конкретно поставленных вопросов по причине незнания.

Около 60% респондентов во всех этнических группах высказывают желание знать или исполнять свои народные песни, а около 50% респондентов говорят о том же в отношении народных танцев. Однако желание это во многом носит декларативный характер. Реальных шагов для их изучения практически все респонденты не предпринимают и не планируют делать этого в перспективе. Показательным является и факт того, что очень незначительное число респондентов по собственной инициативе знакомились или изучало народные песни или танцы.

По некоторым показателям ориентация на национальную духовную культуру выше среди немцев (степень знания национальной литературы, интерес к гастрольным представлениям национальных театров и др.). Немцы также более свободно идентифицируют виды художественного творчества, называя имена известных им писателей и композиторов. Среди армян также высока ориентация на национальную культуру по сравнению с другими изучаемыми группами. Именно среди армян зафиксированы самые высокие показатели в области знания народных песен, танцев, праздничной культуры. Довольно высокую степень компетенции в этих вопросах продемонстрировали чуваша. Украинцы характеризуются большей степенью интеграции культурных элементов, более интенсивным взаимодействием с культурой этнического большинства, ослаблением ориентации на собственную национальную культуру.

На вопрос: "Имеется ли в вашем доме литература на вашем национальном языке?" – положительно ответили половина опрошенных украинцев и армян и 3/4 чувашей и немцев. Но при этом лишь каждый второй из положительно ответивших респондентов смог назвать имя хотя бы одного национального автора, произведения которого имеются в его домашней библиотеке. Литературу по истории и культуре своего народа имеют дома 40% армян, 60% немцев и чувашей и 30% украинцев.

Степень знакомства с историческими персонажами и национальной литературой зависит от личного интереса человека к истории и литературе своей страны, стимуляция которого в значительной степени определяется внешними факторами. Между тем у большинства людей кругозор в этой области ограничивается школьным образованием, в которое включено, главным образом, изучение русской и частично мировой истории и литературы. Именно поэтому больше всего имен национальных героев и авторов смогли назвать немцы, культура которых в качестве части европейской культуры более доступна для изучения.

Для большинства респондентов источником этнокультурной информации является семья. Наиболее высокий уровень родственных контактов зафиксирован среди армян (62,8% армян указали родственников в качестве основного источника знаний о народных песнях и танцах, традициях и праздниках). Так же ответили более половины (57,3%) украинцев. Среди чувашей и немцев доля респондентов, выбравших эту позицию, оказалась ниже – 34,6 и 26,1% соответственно. Треть опрошенных чувашей и четвертая часть армян указали, что научились народным песням и танцам в учебном заведении, либо национально-культурном обществе. Среди украинцев и немцев доля аналогично ответивших составила от 8 до 18% в разных городах.

Исследование показало, что у респондентов, являющихся выходцами из гетерогенных семей либо состоящих в этнически-смешанных браках, ориентация на формы своей национальной культуры заметно ниже. Судя по всему, у таких респондентов в процессе внутрисемейного общения происходит нивелирование национально-культурных ориентаций, в результате чего они тяготеют к "интернациональным" формам культуры. Такая же тенденция в полной мере присуща и группам этнического большинства республики (Титова 1999). Больше всего национально-смешанных семей, согласно результатам нашего исследования, зафиксировано среди немцев и украинцев. Процесс ассимиляции у украинцев идет более интенсивно вследствие исторически сложившейся языковой и культурной близости украинцев и русских. Оказывает влияние на сохранность элементов этнокультуры и частота контактов с представителями своей этнической группы. Так, респонденты, посещающие национально-культурную организацию или воскресную школу, участвующие в культурной жизни этой организации, не только декларируют позитивные установки на этнически маркированные элементы культуры, но являются и реальными их потребителями. Аналогично ведут себя и респонденты, часто посещающие "историческую родину" и поддерживающие тесные контакты с проживающими там родственниками.

Для всех изучаемых групп характерно возрастание интереса к собственной национальной культуре по мере увеличения возраста. Членами национально-культурных организаций являются также в большей степени люди старшего и пожилого возраста.

Полученные материалы показали, что культурные ориентации респондентов неодинаковы в различных социально-демографических группах. Женщины в целом чаще, чем мужчины, ориентированы на собственную национальную культуру. С переходом в более старшую возрастную группу эта особенность у женщин проявляется также несколько сильнее, чем у мужчин.

Наиболее высокая ориентация на инациональные формы культуры и широкий диапазон культурных интересов во всех изучаемых группах зафиксированы у работников интеллектуального труда; у работников квалифицированного физического труда и служащих со среднеспециальным образованием эта ориентация ниже, чем у интеллигенции, но выше, чем у работников неквалифицированного труда. Эти тенденции в полной мере характерны для татарского и русского населения республики (Столярова 2004; Титова 1999). Можно утверждать, что этнические меньшинства не в меньшей степени адаптированы к повседневной жизни, чем доминантные группы.

Роль семьи в этнических процессах определяется тем, в какой степени происходит приобщение младшего поколения к культуре старших поколений. В данном случае зафиксирован низкий уровень межпоколенной трансмиссии различных форм этнокультуры.

Наши материалы свидетельствуют о том, что в большинстве случаев респонденты, проживающие в Казани, обладают большей компетенцией в вопросах, связанных с различными сферами национальной духовной культуры, нежели респонденты Набережных Челнов. По-видимому, индивидуальная социально-культурная среда каждого города влияет на отношение людей к этнокультурной информации.

Большой интерес в контексте рассматриваемых сюжетов вызывают вопросы, касающиеся определения респондентами собственных национальных праздников и соблюдения

национально-религиозных обычаев и традиций. В рамках исследования респондентам задавался вопрос: "Какие праздники вы считаете своими народными?". Треть опрошенных во всех изучаемых группах не смогла вспомнить ни одного народного праздника.

Наибольшее количество народных праздников в Казани назвали армяне (75%). Количество положительно ответивших на вопрос среди украинцев Казани составило 68,5% (и еще 9% украинцев сказали, что знают о народных праздниках, но конкретно вспомнить не смогли ни одного) и 68% немцев Казани. Наименьшее количество положительных ответов в Казани получено среди респондентов-чувашей – 54,5% (и еще 13,9% не смогли назвать ни одного конкретного праздника).

В Набережных Челнах самый высокий уровень знания народных праздников отмечен среди чувашей (67,2%). Среди армян и немцев в Набережных Челнах этот показатель также составил более половины опрошенных (64,2%). В этнической группе украинцев в Набережных Челнах получен самый невысокий результат знания народных праздников – 52,8%.

В целом, по результатам исследования в обоих городах, количество респондентов, обладающих знаниями о праздниках, идентифицируемых в качестве "народных", составляет среди армян – 71,2%, немцев – 66,6%, украинцев – 63,4% и чувашей – 59,1%. При этом только треть респондентов, отвечая на вопрос о народных праздниках, назвала конкретные праздники, идентифицирующиеся с определенной этнической культурой. Подавляющее же большинство опрошенных представителей изучаемых этнических групп назвали в качестве своих народных праздников общегосударственные светские праздники, включенные в официальную праздничную календарную обрядность. Наряду со светскими общегосударственными и общереспубликанскими праздниками опрошенные армяне, украинцы, чувашаи и немцы празднуют и считают народными религиозные праздники – Рождество, Пасху, Крещение, Троицу, Благовещение.

Примерно четверть респондентов во всех этнических группах подчеркивает, что считает народными все русские праздники (либо – все религиозные). Также к числу своих народных праздников частью респондентов отнесен национальный татарский праздник Сабантуй, который еще в советское время превратился из традиционного татарского праздника в общенародное гулянье. Такую же форму и широкий масштаб приобрел со временем праздник 30 августа – День Республики.

Характерно, что значительное количество респондентов во всех этнических группах при определении народных праздников смешивает все традиции, в том числе традиции других народов, а также общегосударственные и общереспубликанские. Эти респонденты идентифицируют в качестве "народных" те праздники, которые, по сути, являются интернациональными, в частности, Новый год, а также религиозные праздники – в основном Рождество и Пасху. При этом анализ конкретных ответов показывает, что среди украинской и немецкой этнических групп подобные ответы встречаются чаще. Армяне и немцы более отчетливо разделяют народные праздники и интернациональные. Представители этих же этнических групп смогли вспомнить наибольшее количество названий национальных праздников. Немцы в качестве традиционных праздников называют в основном Рождество и Пасху, которые весьма торжественно отмечаются в Лютеранской немецкой общине Казани. В подобном случае праздник помимо эмоциональной несет и иную смысловую нагрузку. Таким образом, эти праздники выходят из семейной сферы в публичную и становятся символами "единства" и "этноинтеграции".

Факт смешения в сознании респондентов разных праздников – религиозных, народных, "интернациональных", которые воспринимаются многими как "национальные", является подтверждением того, что приверженность же респондентов к национально-культурным и религиозным традициям во многом является "культурной инсценировкой" (Ионин 2001).

Резюмируя вышеизложенное, отметим: и в материальной, и в духовной культуре изучаемых групп этнических меньшинств генеральным направлением развития явля-

ется нивелирование этноспецифических черт и интеграция культурных элементов групп этнического большинства и общегородской культуры. Механизм трансмиссии этнокультуры и вертикальных связей нарушен и относительно слабо действует. Хотя для большинства респондентов источником этнокультурной информации по-прежнему является семья.

Примечания

¹ Статья подготовлена в рамках реализации научно-исследовательского проекта "Адаптация этнических меньшинств в трансформирующемся обществе", поддержанного фондом МакАртуров (2002–2004 гг.). Автор выражает благодарность своим коллегам и ученикам Г.Ф. Габдрахмановой, В.Е. Козлову, Д.М. Гараеву и Е.В. Фроловой за помощь в сборе, систематизации и обобщении исследовательских материалов.

² Научные проекты: "Национальное самосознание, национализм и урегулирование конфликтов" (1993–1996 гг.) – руководитель Л.М. Дробижина; "Этнические административные границы: факторы стабильности и конфликтности" (1997–1999 гг.) – руководитель Л.М. Дробижина; "Этническая идентичность, национализм и разрешение конфликтов в РФ" (1993–1999 гг.) – руководитель Л.М. Дробижина; "Социальное неравенство этнических групп и проблемы интеграции в Российской Федерации" (1999–2001 гг.) – руководитель Л.М. Дробижина (все выше перечисленные исследования проводились в различных регионах Российской Федерации, в том числе в Республике Татарстан); "Межэтническая толерантность и психологическая напряженность в условиях крупного полиэтничного города" (1998–1999 гг.) – руководитель Т.А. Титова.

Литература

- Андерсон 2001 – *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. М., 2001.
- Белинская, Стефаненко 2003 – *Белинская Е.П., Стефаненко Т.Г.* Этническая идентичность: понятие, формирование, модели измерений // Этническая психология. Хрестоматия. СПб., 2003.
- Воронков 1998 – Конструирование этничности: Этнические общины Санкт-Петербурга / Под ред. В.М. Воронкова, И. Освальд. СПб., 1998.
- Губогло 1998 – *Губогло М.Н.* Языки этнической мобилизации. М., 1998.
- Дробижина 1998 – Социальная и культурная дистанции. Опыт многонациональной России / Отв. ред. Л.М. Дробижина. М., 1998.
- Ионин 2001 – *Ионин А.Г.* Социология культуры. М., 2001.
- Исхакова 2002 – *Исхакова З.А.* Функциональное взаимодействие татарского и русского языков в современном Татарстане // Язык и этнос на рубеже веков: этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань, 2002.
- Итоги переписи 1989 – Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. Т. 2. Национальный состав населения ТАССР / Госкомстат РСФСР, Татарстанское государственное управление статистики. Казань, 1990.
- Итоги переписи 2002 – Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4. Национальный состав и владение языками, гражданство. М., 2004.
- Коровушкин 1997 – *Коровушкин Д.Г.* Чуваши Западной Сибири (этнодисперсная группа на современном этапе). Новосибирск, 1997.
- Лебедева 1993 – *Лебедева Н.М.* Социальная психология этнических миграций. М., 1993.
- Мусина 2002 – *Мусина Р.Н.* Язык и этническое самосознание // Язык и этнос на рубеже веков: Этносоциологические очерки о языковой ситуации в Республике Татарстан. Казань, 2002.
- Национальный состав РТ 2002 – Национальный состав населения Республики Татарстан: Стат. сб. по итогам Всероссийской переписи населения 2002 г. Т. 4 / Госкомстат РТ. Казань, 2004.
- Пименов 1977 – *Пименов В.В.* Удмурты: Опыт компонентного анализа этноса. Л., 1977.
- Смирнова 2002 – *Смирнова Т.Б.* Немцы Сибири: Этнические процессы. Омск, 2002.
- Солдатова 1998 – *Солдатова Г.У.* Психология межэтнической напряженности. М., 1998.
- Старовойтова 1987 – *Старовойтова Г.В.* Этническая группа в современном советском городе: Социологические очерки. Ленинград, 1987.
- Столярова 2004 – *Столярова Г.Р.* Феномен межэтнического взаимодействия: Опыт постсоветского Татарстана. Казань, 2004.
- Титова 1999 – *Титова Т.А.* Этническое самосознание в национально-смешанных семьях. Казань, 1999.
- Тишков 2003 – *Тишков В.А.* Реквием по этносу: Исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003.
- Тишков 2005 – *Тишков В.А.* Язык и алфавит как политика // Этнология и политика: статьи 1989–2004. М., 2005.